

Russian Porcelain

The State of Collections and Research

Conference organized by the Vera Saarela Foundation
and the National Museum of Finland
Helsinki, Finland, November 2008

Русский фарфор

Состояние коллекций и исследования

Конференция, организованная Фондом Веры Саарела
и Национальным музеем Финляндии
Хельсинки, Финляндия, ноябрь 2008

Vera Saarela Foundation
Фонд Веры Саарела

The National Museum of Finland
Национальный музей Финляндии

Helsinki 2015

Publishers

Издатели

Vera Saarela Foundation ©

Фонд Веры Саарела ©

The National Board of Antiquities ©

Музейное ведомство Финляндии ©

Editor

Редактор

Elina Anttila

Authors ©

Авторы ©

Elina Anttila, Maurice Baruch,

Nadezhda Berezhnaya, Marianna Bubchikova,

Seppo Hornitzkyj, Tatyana Mozzhuhina,

Tamara Nosovich, Natalya Petrova,

Irina Popova, Anne Odom, Wilhelm Siemen,

Natalya Sipovskaya, Nina Vernova

Translations

Переводы

Elena Pyyhtia, Alexey Grigoriev

Graphic design

Графический дизайн

Dog Design Oy

Reproduction

Репродуцирование

Bee2

Printing

Печать

Lönnberg Print & Promo, Helsinki 2015

ISBN 978-951-616-249-5

"A Finnish peasant woman", 1780–1790's.
The Imperial Porcelain Factory, St. Petersburg.
Over glaze polychrome painting, gilding.
H. 20,3 cm. The National Museum of Finland,
Collection Vera Saarela.

«Финская крестьянская женщина», 1780–
1790-е гг. Императорский Фарфоровый
Завод, СПб. Надглазурная полихромная
роспись, золочение. Высота 20,3 см.
Национальный музей Финляндии.
Коллекция Веры Саарела.

Plate, early 20th c. Factory
of the Kornilov brothers,
St. Petersburg. Hillwood
Estate, Museum & Gardens.

Тарелка, ранние 20-е гг.
Фабрика братьев
Корниловых, СПб. Усадьба
Хиллвуд, Музей и Сады.

Made for Export: Kornilov Porcelain in America

ANNE ODOM

The Factory of the Brothers Kornilov was one of two large and extremely successful private porcelain manufactories in Russia by the turn of the twentieth century. Unlike its competitor the huge M. S. Kuznetsov Company (*Tovarishchestva*), which exported wares to the eastern market after it had acquired the Gardner Factory in 1890, Kornilov directed a large share of its business to the west, especially to the United States, where it was enormously successful from the 1880s through the early twentieth century. For this market Kornilov created patterns in the Russian style. Americans certainly did not understand that Russians were rediscovering an artistic heritage which had been lost in the triumph of westernization. They did not appreciate the politics of Russian artists striving to free themselves from what they thought were the unnatural constraints of Western art. What they did respond to was the love of color and the lively ornament. Americans were attracted by these new designs because they were exactly what consumers in the late nineteenth century were seeking: they were unusually striking, and they were a novelty.

The Kornilovs had been employed in the porcelain business since 1791 when the merchant Savvin Vasil'evich Kornilov first traded in porcelain wares in St. Petersburg.¹ In 1835 his widow

Произведено на экспорт: Корниловский фарфор в Америке

ЭНН ОДОМ

Завода Братьев Корниловых был одним из двух больших и чрезвычайно преуспевавших частных заводов по производству фарфора в России на рубеже двадцатого века. В отличие от своего конкурента, огромной Компании (Товарищества) М. С. Кузнецова, которая, после приобретения фабрики Гарднера в 1890 году, экспортировала свои изделия на восточный рынок, Корнилов направил большую часть своего бизнеса на запад, и прежде всего, в Соединенные Штаты, где этот бизнес процветал с восьмидесятих годов девятнадцатого века до начала двадцатого. Для этого рынка Корнилов создавал образцы в русском стиле. Американцы, разумеется, не понимали, что русские заново открывали для себя художественное наследие, утраченное со времен триумфа вестернизации. Они не могли оценить политики российских художников, стремившихся освободиться от всего, что они считали неестественными ограничениями искусства Запада. Зато сердца американцев отзывались на любовь к цвету и живой орнамент. Американцев привлекал этот новый дизайн, потому что это было именно то, что в конце девятнадцатого века искали потребители. Эти изделия поражали необычностью и новизной.

¹ For a complete history see *Farfor Brat'ev Kornilovykh* (St. Petersburg: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik 'Peterhof', Gosudarstvennyi Ermitazh, Fond 'Vozrozhdenie Kornilovskogo farfora', 2003); V. Znamenov and V. Mukhin, "Fenomen vtorogo farforovogo proizvodstva v Peterburge," *Peterhof Almanakh. Iz istorii i kollektsii* (St. Petersburg: Studia biografika, 1992), p. 109–131 and Irina Bagdasarova, "Firmennyi stil' Kornilovskogo farfora," *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektsionirovaniia*, July–August (2005).

received permission to found a porcelain factory near the capital. In 1839 she was joined by her four sons, and the oldest Mikhail Savvinovich took charge. Following the fire in 1839 that destroyed the Batenin Factory, second only to the Imperial Porcelain Factory in St. Petersburg, the Kornilov Factory took its place as a leader in private porcelain production, which it retained until the revolution in 1917. The factory was known for the high quality of the porcelain mass, of the painting and the chromolithograph printing that it used extensively during the last two decades of the nineteenth century. A report of the Department of Trade and Manufacturing in the Ministry of Finance considered the quality of porcelain produced by the Kornilov Factory second only to the Imperial Porcelain Factory.² It was better known throughout Europe and especially the United States than any factory except the Imperial Factory.

By the 1850s the factory was producing wares with interlace patterns like those found in the designs by Fedor Solntsev (1801–1892) for the dinner plates in the Kremlin Service in 1837 and the Service for Grand Duke Konstantin Nikolaevich produced in 1848. Kornilov even favored the orange and green colors of those two services. Ignatii Sazikov (1796–1868) would exhibit with great success silver wares with strap work ornament, also copied from Solntsev's drawings at the Great Exhibition (Crystal Palace Exhibition) in London in 1851. This interlace ornament derived from fifteenth and sixteenth-century manuscript decoration and when used around the rims of plates, would become a feature of Kornilov porcelain made for export to the United States. The addition of the double-headed eagle as a decorative motif would also be widely used by the factory, particularly for export (fig. p. 49).

Корниловы занимались фарфоровым бизнесом уже с 1791 года, когда купец Саввин Васильевич Корнилов начал торговать фарфоровыми изделиями в Санкт-Петербурге.¹ В 1835 году его вдова получила разрешение основать фарфоровое производство рядом со столицей. В 1839 году к ней присоединились ее четыре сына, а старший сын, Михаил Саввинович возглавил завод. После пожара 1839 года, который уничтожил фабрику Батенина, уступившую по значению только Императорскому фарфоровому заводу в Санкт-Петербурге, Корниловский завод занял ее место лидера в частном производстве фарфора, которое и сохранял за собой вплоть до революции 1917 года. Завод славился высоким качеством фарфоровой массы, росписи и хромолитографической печати, которой он особо широко пользовался две последние декады девятнадцатого века. В докладе Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов было отмечено, что качество фарфора Корниловского завода уступает только продукции Императорского фарфорового завода.² Завод Корнилова был известен во всей Европе, и особенно в Соединенных Штатах, лучше, чем любой другой завод за исключением Императорского.

В 1850-х годах завод производил изделия с плетеными узорами, которые можно было найти в рисунках Федора Солнцева (1801–1892) для обеденных тарелок Кремлевского сервиза в 1837 году и для сервиза, произведенного в 1848 году для Великого князя Константина Николаевича. Корнилов даже одобрил оранжевые и зеленые цвета этих двух сервизов. В 1851 году Игнатий Сазиков (1796–1868) на большой выставке в Хрустальном Дворце (Crystal Palace Exhibition) в Лондоне с огромным успехом продемонстри-

2 *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Torgovlia Rossii* (St. Petersburg: Departementa Torgovli i Manufaktur Ministerstva Finansov, 1893), 261.

1 Полностью см. Фарфор братьев Корниловых (Санкт-Петербург: Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный Эрмитаж, Фонд «Возрождение Корниловского фарфора», 2003); В. Знаменнов и В. Мухин, «Феномен второго фарфорового производства в Петербурге», *Петербургский Альманах. Из истории и коллекции* (Санкт-Петербург: Студия биографии, 1992), с. 109–131 и Ирина Багдасарова, «Фарфоровый стиль Корниловского фарфора», *Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования*, июль-август (2005).

2 *Фабрично-заводская промышленность, Торговля России* (Санкт-Петербург: Департамент Торговли и Мануфактур Министерства Финансов, 1893), с. 261.

The factory first exhibited wares in America at the Centennial Exhibition in Philadelphia in 1876. In the reports on porcelain manufacturers, the judges wrote of the Kornilov Factory: "An important manufactory is represented by a small collection of plates and cups and saucers, from original and often rich designs. It is to be regretted that this establishment has not sent a more considerable exhibit."³ We can only speculate what wares Kornilov actually exhibited. They were certain to be in the Russian style (*russkii stil*), which had already proved successful not only in London in 1851 and 1862, but also in Paris in 1869. To strap work designs, interspersed with Russian proverbs and sayings around the rims the factory added ornament simulating peasant cross-stitch embroidery of the double-headed eagle or birds in the center to decorate many wares in this period. Judging by Russian-style wares produced during the late 1860s and 1870s, this is probably what was exhibited in Philadelphia.⁴ This choice reflected the Russian enthusiasm for folk motifs following the liberation of the peasants in 1861. Americans certainly responded positively to these colorful designs.

The factory began selling porcelain to Tiffany and Company in New York City in 1886.⁵ When Tiffany moved into its Union Square premises in 1870, it was hailed as "the largest and most magnificent jewelry palace in the world ... filled with sumptuous merchandise, made in its own workshops as well as imported from every corner of the globe."⁶ It actually had a Russian section in its store, where in addition to Russian porcelain, it sold Russian silver, enamels, glass, bronzes, and lacquer ware. Each year Tiffany produced a small booklet, called the "Blue Book," listing the wares it had for sale. Porcelains are not listed under the name of Kornilov, but just as cups and saucers, plates, olive dishes, and plaques.

ровал серебряные изделия со «шнуровым» (переплетающимися) орнаментом, также скопированным с рисунков Солнцева. Этот переплетающийся орнамент вышел из художественного оформления манускриптов пятнадцатого-шестнадцатого всков, но на кайме тарелок он стал одной из особенностей Корниловского фарфора, производившегося на экспорт в Соединенные Штаты. Завод также широко использовал двуглавого орла в качестве декоративного мотива, особенно в изделиях на экспорт (илл. стр. 49).

Впервые завод представил свою продукцию в Америке на Выставке Столетия в Филадельфии в 1876 году. В своих отзывах о производителях фарфора, эксперты писали о Корниловском заводе: «Важное предприятие, представлено маленькой коллекцией тарелок, чашек и блюд оригинального и часто роскошного дизайна. Можно только сожалеть, что этот завод не прислал более значительную экспозицию.»³ Мы можем только предполагать, какие изделия на самом деле представил Корнилов. Они, несомненно, были в русском стиле, который уже имел большой успех не только в Лондоне в 1851 и 1862 годах, но также и в Париже в 1869 году. В этот период завод на многих своих изделиях с переплетающимся рисунком, перемежавшимся русскими пословицами и поговорками на кайме, добавлял в центр орнамент, имитировавший вышитого по-крестьянски крестиком двуглавого орла или других птиц. Судя по изделиям в русском стиле, производившимся в конце шестидесятых и в семидесятых годах девятнадцатого века, это, вероятно, и было представлено в Филадельфии.⁴ Этот выбор отразил увлечение народными мотивами, возникшее в России после освобождения крестьян в 1861 году. Американцы, конечно,

3 Francis A. Walker, ed., *International Exhibition 1876, Reports and Awards, Group II* (Philadelphia: J.B. Lippincott & Co. 1877), p. 86.

4 For such plates, see Anne Odom, "Russkii stil" The Russian Style for Export", *The Magazine Antiques*, vol. CCXIII, No. 3, (March 2003), p. 106 and *Varfor Brat'er Kornilovykh*, p. 76-77.

5 *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Torgovlia Rossii*, p. 261.

6 John Loring, *Tiffany's 150 Years* (Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc. 1987), p. 16.

3 Francis A. Walker, ed., *International Exhibition 1876, Reports and Awards, Group II* (Philadelphia: J.B. Lippincott & Co. 1877), c. 86.

4 О таких тарелках см. Anne Odom, "Russkii stil" The Russian Style for Export", *The Magazine Antiques*, vol. CCXIII, No. 3, (March 2003), c. 106 and Фарфор братьев Корниловых, с. 76-77.

A fairly large number of American stores imported Kornilov porcelain, including Shreve, Crump & Low in Boston, Bailey, Banks, and Biddle in Philadelphia, Shreve & Company in San Francisco, and the Jacquard Jewelry Co. in Kansas City, Missouri. It is most likely that at its height the factory had a distributor in New York, shipping wares to each of these stores, and possibly others.⁷ An advertisement for Kornilov in an 1889 issue of *Niva*, the illustrated weekly, lists not only the stores in St. Petersburg and Moscow, but it also announced that its wares could be found at M-rs. Nebel & Seelhoff, on the rue de Paradis in Paris and Tiffany, at Union Square in New York.⁸ The rue de Paradis was the street where Parisians shopped for table wares and glass. The Minister of Finances' report for 1893 lists additional sales outlets in West London at 5 Argyll Place and in Paris at Avenue de l'Opera.⁹

In 1883 Henry W. Hiller (1838–1926), who had been a commercial agent and then served as US consul in Siberia in the administration of Abraham Lincoln, joined the Tiffany firm.¹⁰ Hiller was the store's chief supplier of Russian enamels and lace. Although there is no correspondence or in fact any reference at all in Hiller's papers that he was responsible for bringing the Kornilov Factory to the attention of his boss at Tiffany's, a New York Times reporter writing about the December 1887 Christmas exhibition said, Tiffany's representative in Russia, Mr. Hiller, who has spent twenty-eight years there, has brought with him from that country some curious dishes in porcelain, which are exact copies of old silver in the Kremlin Museum. These dishes, which appear to be saucers with handles ... bear the double eagle, Russia's crest in the center, and inscriptions in Slavonic around the edges.¹¹

Many such porcelain kovshi were sold through Tiffany's, although it is unlikely, in fact, that Henry Hiller supplied them.¹²

очень положительно реагировали на этот красочный дизайн.

Завод начал продавать фарфор фирме «Тиффани и Компания» (*Tiffany & Co*) в Нью-Йорке в 1886 году.⁵ Когда фирма Тиффани в 1870 году переехала в помещение на Юнион Сквер (Union Square), оно было названо «крупнейшим и самым великолепным дворцом драгоценностей в мире, ... заполненным роскошными товарами, произведенными в собственных мастерских, а также привезенными со всего земного шара.»⁶ Фирма действительно имела русский отдел в своем магазине, где, в дополнение к русскому фарфору, продавались русское серебро, эмаль, стекло, бронза и лаковые изделия. Каждый год Тиффани выпускала небольшой буклет под названием «Синяя книга», где перечислялись изделия, выставленные на продажу. Изделия из фарфора упоминались в списке не под именем Корнилова, а просто как чашки и блюда, тарелки, мисочки для оливок и декоративные украшения стола.

Довольно большое количество американских магазинов импортировало Корниловский фарфор, включая «Shreve, Crump & Low» в Бостоне, «Bailey, Banks and Biddle» в Филадельфии, «Shreve & Company» в Сан-Франциско и «Jacquard Jewelry Co.» в Канзас-Сити, Миссури. Вполне вероятно, что в период своего расцвета завод имел своего дистрибьютора в Нью-Йорке, доставлявшего продукцию завода в каждый из этих магазинов, а, возможно, и во многие другие.⁷ Реклама корниловских изделий в одном из номеров иллюстрированного еженедельника «Нива» за 1889 год перечисляет не только магазины в Санкт-Петербурге и Москве, но и сообщает, что такие изделия можно найти у Господ Небель&Зеельхоф (Nebel&Seelhoff) на Рю де Парадис (Rue de Paradis) в Париже и у Тиффани на Юнион Сквер (Union Square) в Нью-Йорке.⁸ На улице Парадис парижане

7 These are the stores whose names have actually been found stamped on the bottom of dishes.

8 *Niva*, No. 47 (1889), p. 1200.

9 *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlia Rossii*, p. 261.

10 "H.W. Hiller Dead; Pioneer Importer," *The New York Times* (21 January 1926), 21:3.

11 "Russian Jewelry in Fashion," *The New York Times* (21 December 1887).

12 In his papers there is only reference to his dealings with silversmiths, selling Russian enamels and with lace makers. Hiller's papers are in collection 77, manuscripts division of the G. W. Blunt White Library, Mystic Seaport, Mystic, Connecticut.

5 Фабрично-заводская промышленность, Торговая Россия, с. 261.

6 John Loring, *Tiffany's 150 Years* (Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc. 1987), с. 16.

7 Это магазины, названия которых действительно обнаружены отпечатанными на дне посуды.

8 *Нива*, № 47 (1889), с. 1200.

Plate, early 20th c. Factory of the Kornilov brothers, St. Petersburg. Milk Jug, late 19th c. East Liverpool, Ohio, Knowles – Taylor – Knowles. Private collection.

Тарелка, ранние 20-е гг. Фабрика братьев Корниловых, СПб. Молочный кувшин, поздний 19-й век. Ист-Ливерпул, Огайо, Ноулз – Тейлор – Ноулз. Частная коллекция.

These small dishes usually had a strap work pattern in white on a colored ground on the handle. In the center, copying silver presentation kovshi of the eighteenth century was a double-headed eagle in white. Around the bowl was a folk proverb, like "The first kovsh fortifies, the second cheers, the third wipes you out," which appears on one such kovsh at Hillwood Museum. These kovshi were the so-called "olive dishes" in Tiffany's Blue Book. Some of them do have pattern numbers on them, some do not. These are the small numbers in red on the bottom of the objects. Those kovshi without pattern numbers were probably among the earliest sold.

In 1888 the Kornilov Factory expanded its international operation by exhibiting in Brussels and also in Copenhagen. A page illustrating a set of twelve plates shown in Copenhagen appeared in *Niva*, the illustrated weekly (see fig. p. 44 for one of them).¹³ These plates could be reproduced in large numbers through the medium of chromolithography, first used by the Kornilov Factory in 1881. The paintings have no borders and the images are not centered on the plate, but rather the painting flows onto the rim, leaving lots of white space. The genre scenes of everyday peasant life are by Nikolai Karazin (1842–1908), a popular contributor of drawings of this type to *Niva*.¹⁴ The author of the article accompanying this illustration claimed that Kornilov porcelain equaled Meissen and Austrian porcelain and maybe even the best French factories. Early the next year this illustration was reproduced in *Connoisseur*, the house publication put out by Bailey, Banks, and Biddle in Philadelphia from 1887 to 1889.¹⁵ Thus these plates were being sold at Tiffany and Company in New York and Bailey, Banks, and Biddle in Philadelphia at the same time as they were appearing at international exhibitions in Europe. In 1889 the firm exhibited in Paris, where most of the objects sold were bought by Americans.¹⁶

покупали посуду и изделия из стекла. В докладе министра финансов за 1893 год упоминаются дополнительные торговые точки в Западном Лондоне на Argyll Place, 5 и в Париже на Avenue de l'Opera.⁹

В 1883 году Генри В. Хиллер (1838–1926), бывший коммерческий агент, а затем американский консул в Сибири во времена правления Авраама Линкольна, поступил на работу в фирму Тиффани.¹⁰ Хиллер был для магазина главным поставщиком русских эмалей и кружева. Несмотря на то, что нет никакой переписки или хотя бы какого-то упоминания в бумагах Хиллера о том, что он занимался привлечением внимания своего руководства в Тиффани к корниловской продукции, репортер «Нью-Йорк Таймс», писавший о Рождественской выставке в декабре 1887 года, сообщал:

«Представитель Тиффани в России мистер Хиллер, который провел там двадцать восемь лет, привез из этой страны несколько любопытных образцов фарфоровой посуды, которая является точной копией старинных серебряных изделий в Кремлевском музее. Эта посуда, которая оказалась баюдами с ручками ..., имеет в центре изображение двуглавого орла, герба России, и славянские надписи по краям.»¹¹

Много таких фарфоровых ковшей было продано фирмой Тиффани, хотя на самом деле маловероятно, что их поставяла Генри Хиллер.¹² На ручках этих небольших предметов посуды обычно был белый переплетающийся узор на цветном фоне. В центре, как и на серебряных ковшах восемнадцатого века, был изображен белый двуглавый орел. По окружности чаши шла народная пословица, вроде «Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит», которая оказалась на одном таком ковш в музее Хиллууд (Hillwood). Эти ковши в «Синей книге» Тиффани именовались «мисочками для оливок». На некоторых из них есть

13 M. Vavilov, "Farfor i ego znachenie," *Niva* 14 (1888), p. 361 and 366–367.

14 For biographical information about Karazin, see Aleksandr Shestimirov, "Otkrytiki khudozhnika Karazina," *Antikvariat, Predmety iskusstva i kollektirovanie*, No. 14, 1–2, Jan–Feb (2004).

15 *Connoisseur*, Vol. 3, March (1889), after p. 146.

16 *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlia Rossii*, p. 261.

9 «Фабрично-заводская промышленность. Торговля России», с. 261.

10 «H.W. Hiller Dead, Pioneer Importer», *The New York Times* (21 января 1926), 21–3.

11 «Russian Jewelry in Fashion», *The New York Times* (21 декабря 1887).

12 В его документах есть только ссылка на его деловые отношения с серебряными дел мастерами, продававшими русские эмалы, и с изготовителями кружев. Документы Хиллера находятся в коллекции 77 отдела рукописей в библиотеке G. W. Blunt White Library, Mystic Seaport, Mystic, Connecticut.

Under the mark of the factory on these plates is the signature of Karazin and the statement that reproduction of the image is not allowed (*Vosproizvedenie zapreshchaetsia*). Karazin's facsimile signature and this wording are frequently found on plates, cups, saucers, and bowls with genre scenes on them, although such views, obviously by Karazin are sometimes unsigned. The use of Karazin's signature signified the value the factory placed on his illustrations as works of art, not ordinary reproductions. Many large bowls and smaller kovshi were decorated with the white interlace pattern on a red, pink, or green ground and a Karazin genre scene in the center, such as a worker bringing in ice on his sled. Some genre scenes were printed in a monochrome brown on a white ground, creating a small slice of peasant life on a plate.

The Kornilov Factory did not exhibit at the World's Columbian Exposition in Chicago in 1893. Presumably it believed it had sufficient exposure in the jewelry stores with which it was already associated. Petr Glukhovskoi, the commissioner general of the Russian section, writing on the Russian contribution to the Chicago fair stated that porcelain experts would have had a much more complete picture of the quality of Russian porcelain production if the Imperial Porcelain Factory and Kornilov, the two best factories, had exhibited.¹⁷

Some, but surely not all porcelain sold through Tiffany; bore along with the factory mark the name of the retail firm. The McKinley Tariff of 1890, which went into effect in March, 1891, stated that all merchandise imported into the United States had to bear the name of the country of origin. The Kornilov Factory never registered its trade mark with the Commerce Department (it was not required to), so it is hard to know exactly when the rectangular mark with the bear in a landscape holding a sign with the Latin letters JHV was adopted, but it was probably in 1891. It was a mark used only for export wares. The red pattern

номера рисунков, на некоторых нет. Это маленькие номера красного цвета на дне предметов. Ковши без номеров были, вероятно, проданы раньше.

В 1888 году завод Корнилова расширил свою международную деятельность выставками в Брюсселе, а также в Копенгагене. Страница с изображением сервиза из двенадцати тарелок, показанных в Копенгагене, появилась в иллюстрированном еженедельнике «Нива» (см. илл. стр. 44).¹³ Эти тарелки можно было размножить в большом количестве посредством хромолитографии, впервые использованной Корниловским заводом в 1881 году. Рисунки не имеют границ, и изображения не отцентрированы на тарелке, так что рисунки как бы наплывают на кромку, оставляя много белого пространства. Жанровые сценки повседневной крестьянской жизни выполнены Николаем Каразиным (1842–1908), популярным автором такого типа рисунков для «Нивы».¹⁴ Автор статьи, сопровождавшей эту иллюстрацию, утверждал, что Корниловский фарфор равен мейсенскому и австрийскому и, возможно, даже лучшему французскому. В начале следующего года эта иллюстрация была напечатана в «Connoisseur», издании, выпускавшемся Bailey, Banks и Biddle в Филадельфии с 1887 до 1889 год.¹⁵ Таким образом, такие тарелки уже продавали Тиффани в Нью-Йорке и Bailey, Banks and Biddle в Филадельфии в то самое время, когда они еще только появлялись на международных выставках в Европе. В 1889 году фирма показала свою продукцию в Париже, где большая часть предметов была куплена американцами.¹⁶

На этих тарелках под маркой завода – подпись Каразина и предупреждение, что воспроизведение изображения запрещается. Факсимильную подпись Каразина и это предупреждение часто находят на тарелках, чашках, блюдах и чашах с жанровыми сценками, но иногда подписи нет, хотя

17 P. I. Glukhovskoi, *Otchet general'nago komissara russkogo otdela Vserossiiskoi Kolobovoi vystavki v Chikago* (St. Petersburg: Tipografia V. Kirshbauma. 1895), p. 30–31. See Karen Kettering, "The Russian still" and Russian Decorative Arts at Nineteenth-Century American World's Fairs," in Rosalind P. Blakesley and Susan E. Reid, eds., *Russian Art and the West. A Century of Dialogue in Painting, Architecture, and the Decorative Arts* (DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2007), p. 61–85 for more on Russian participation in the world's fairs.

13 М. Вавилов, «Фарфор и его значение», *Нива* № 14 (1888), с. 361 и 366–367.

14 Информацию о биографии Каразина см. Александр Шестимиров, «Открытки художника Каразина», *Антиквариат. Премьер искусства и коллекционирования*, № 14, 1–2, январь–февраль (2004).

15 *Connoisseur*, Vol. 3, March (1889), со с. 146.

16 Фабрично-заводская промышленность, *Торговая Россия*, с. 261.

Plate, ca. 1888. Nikolai Karazin
(1842–1908), original painting.
Factory of the Kornilov
brothers, St. Petersburg.
Private collection.

Тарелка, 1880 г. Николай
Каразин (1842–1908), оригиналь-
ная роспись. Фабрика
братьев Корниловых, СПб.
Частная коллекция.

numbers must have begun about the same time or a little later when there was enough variety of patterns to accommodate western companies, which might have wanted to reorder particularly popular sets. Pattern numbers can also be found on wares bearing the Russian factory mark, that is, the yellow and green mark with the double-headed eagle, as can the names of retail firms. Many pieces of porcelain with Karazin prints or embroidery cross-stitch patterns on them do not have pattern numbers, having been exported before that system of numbers was started. Some of these were later given pattern numbers.¹⁸

In addition to Nikolai Karazin, three other well-known artists contributed illustrations or designs for borders and forms to the factory: the illustrators Ivan Bilibin (1876–1942) and Elizaveta Bém (1843–1914) and the architect and designer Ivan Gal'nbeek (1855–1934). According to an 1891 entry in the magazine *Khudozhnik*, the artist V. Litvinova also supplied drawings of peasant life, especially holiday celebrations like weddings, on porcelain for export to America, presumably also for Kornilov. The work of this artist has not yet been identified.¹⁹ The factory also mixed aspects of these artists with one another. For instance, the form of a cup with handles in the shape of little horses designed by Gal'nbeek might have an illustration by Karazin on the side or a landscape border by Bilibin. These artists together with Karazin defined the Russian style and the neo-Russian style (*modern*) of the Kornilov Factory at the turn of the twentieth century.

Borders with birds and/or animals displayed on blue or red shields in heraldic form were extremely popular. There are many bowls, cups and saucers, egg cups, and plates with such borders as their only decoration. These look as if they might have been designed by Bilibin; they sometimes appear as the frame around scenes from his famous series of fairy tales, published between

авторство Каразина очевидно. Использование подписи Каразина подчеркивало то значение, которое завод придавал его иллюстрациям как произведениям искусства, а не просто репродукциям. Многие большие чашки и небольшие ковши были украшены белым переплетенным узором на красном, розовом или зеленом фоне и каразинской жанровой сценкой в центре, вроде рабочего, везущего лед на своих санях. Некоторые жанровые сценки были выполнены в одном коричневом цвете на белом фоне, изображая на тарелке небольшой кусочек крестьянской жизни.

Корниловский завод не выставил свои изделия на Всемирной Выставке Колумба в Чикаго в 1893 году. По-видимому, руководство посчитало, что достаточно и экспозиций в ювелирных магазинах, с которыми завод имел дело. Петр Глуховской, генеральный комиссар русского отдела, когда писал о Российском вкладе в Чикагскую ярмарку, утверждал, что ценители фарфора имели бы куда более полное представление о качестве российского фарфора, если бы два лучших завода – Императорский фарфоровый завод и завод Корнилова – показали свою продукцию.¹⁷

Некоторая часть, но, конечно, не весь фарфор, проданный через Тиффани, носил, наряду с заводской маркой, название розничной фирмы. Тариф Маккинлэн от 1890 года, который вступил в силу в марте 1891 года, гласил, что все товары, импортированные в Соединенные Штаты, должны нести название страны-производителя. Корниловский завод никогда не регистрировал свою торговую марку в Министерстве Торговли (это не требовалось), так что трудно точно выяснить, когда была принята прямоугольная марка с медведем на фоне пейзажа, держащим знак с латинскими буквами JHV, но вероятно это произошло в 1891 году. Это была торговая марка, использовавшаяся только для экс-

18 I make my comments on pattern numbers based on examining over 75 different pieces.

19 *Khudozhnik*, No. 8 (1891), p. 556.

17 П. И. Глуховской, Отчет генерального комиссара русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго (Санкт-Петербург: Типография В. Кривобузда, 1895), с. 30–31. Подробнее об участии России во всемирных ярмарках см. Karen Ketterling, «The Russian still and Russian Decorative Arts at Nineteenth-Century American World's Fairs», в Rosalind P. Blakesley and Susan E. Reid, eds., *Russian Art and the West. A Century of Dialogue in Painting, Architecture, and the Decorative Arts* (DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2007), с. 61–85.

1901 and 1903: *The Tale of Ivan Tsarevich, the Firebird, and the Gray Wolf*, the red knight from *Vasilissa the Beautiful*, *The Frog Princess* and others. These scenes were taken from this famous series of *Russian Folk Tales* (*Russkie narodnie skazki*). Bilibin also designed borders of stylized pine trees and landscapes with houses on chicken legs (from the stories of *Baba Yaga*) as well. These harmonize particularly well in color and style with his fairy tale illustrations.

Another particularly favorite border design was an interlace pattern, always with an orange or brick red background, with black and yellow strapwork, others with green and yellow. The plate in fig. p. 41 was part of a set sold through Bailey, Banks, and Biddle in Philadelphia. This particular pattern was sufficiently popular that the factory either sold the rights to foreign companies or they just copied them. The milk jug illustrated with it was made by the American firm of Knowles – Taylor – Knowles, located in East Liverpool, Ohio. This firm sold its potteries primarily to restaurants. The four pointed emblems are like decals placed here and there on the pitcher. C. T. Altwasser, a German firm near Breslau in Silesia, also sold porcelains with this ornament, but wares with cross-stitch embroidery borders and even Karazin prints as well.

Marjorie Merriweather Post, the founder of Hillwood Estate, Museum and Gardens, acquired two sets of Kornilov porcelain plates, both with impressionistic paintings of birds.²⁰ Each bird is identified by name on the back in English. The rims on one set have the orange and green interlace pattern. Shields with birds, fish, and animals decorate the rims of the second set. The red pattern numbers for the most part refer to the borders. These sets have different numbers, but that with the shield border has the same number as plates with Karazin prints and shield borders. In later sets there are sometimes two numbers 28

портных изделий. Красные номера рисунков, должно быть, появились примерно тогда же или немного позже, когда ассортимент стал достаточно разнообразным, чтобы снабжать западные компании, которые могли бы захотеть повторно заказать особенно популярные изделия. Номера рисунков можно также найти на изделиях, имеющих российскую заводскую марку, то есть желто-зеленую марку с двутравым орлом. Многие фарфоровые изделия с рисунками Каразина или с узорами вышивки крестиком не имеют номеров, будучи экспортированными прежде, чем появилась система нумерации декора. Некоторые из них были снабжены номерами рисунков позже.¹⁸

Помимо Николая Каразина, три других известных художника предоставляли заводу иллюстрации или рисунки: иллюстраторы Иван Билибин (1876–1942) и Елизавета Бём (1843–1914), а также архитектор и рисовальщик Иван Гальнбек (1855–1934). Согласно статье в журнале «Художник» за 1891 год, художник В. Антвинова предоставляла для экспортируемого в Америку фарфора, вероятно и корниловского тоже, свои рисунки на тему крестьянской жизни, особенно торжественных празднований типа свадеб. Работа этого художника еще не идентифицирована.¹⁹ Завод также смешивал произведения этих художников друг с другом. Например, чашка с ручками в виде маленьких лошадок, созданных Гальнбеком, могла иметь иллюстрацию Каразина сбоку или кайму с пейзажем Билибина. Эти художники вместе с Каразиным определили «Русский» и т.н. «нео-Русский» стиль (модерн) Корниловского завода на рубеже двадцатого века.

Кайма с птицами и/или животными, изображенными на синих или красных пятах геральдической формы была чрезвычайно популярна. Есть множество чаш, чашек с блюдцами, подставок для яиц и тарелок, у которых такая кайма

20 Most of the Kornilov porcelain at Hillwood can be seen in Marvin C. Ross, *Russian Porcelains* (Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1968), p. 333–342 and 361–367. Some of these are in color in Odom, “Russkii stil”, *The Magazine Antiques*, p. 105–106.

18 Я для своих комментариев о номерах рисунков, основываясь на изучении более 75 различных предметов.

19 Художник, № 8, (1891), с. 556.

over 245, for example. The 28 refers to a Karazin print, the 245 to the border, in this case one with shields.

Many less common patterns can be found in the United States (fig. p. 36). It is amazing to realize that there are at least 350 known pattern numbers. Some sets of plates with overall stylized decoration were intended strictly for export. These have a stylized double-headed eagle at the top of the plate on the rim and around it the saying in Russian "Of the people, by the people, and for the people" (*C narodom, cherez narod, dlia naroda*), the famous quotation from President Abraham Lincoln's Gettysburg Address. Some patterns seem to be influenced by Japanese ornament, others with high patterns numbers have very stylized ornament in unusual colors like light blue. We do not really begin to know the extent of Kornilov's export production.

Ivan Gal'nbek, an artist, architect, and librarian of the Stieglitz Central School for Technical Drawing added charming horses and brown bears as handles to teacups, soup bowls, and egg cups.²¹ Gal'nbek's horses, like Bilibin's borders can be mixed with various decorations, not necessarily by either one of them. Eventually Gal'nbek would design numerous forms for vases, with openwork handles or square dots simulating openwork in the style of Viennese Secession designs. Vienna exerted considerable influence in Russian furniture, silver, and porcelain at the beginning of the twentieth century (fig. p. 53).

Elizaveta Bëm was another artist, popular for her illustrations in *Niva* and *Vsemirnaia illustratsiia*, and on greeting cards, postcards, advertisements, and other ephemera of the end of the nineteenth century. They often featured children in peasant or boyar dress with sayings in old-Russian script, the capital letters taken from the ornament studies of Vasilii Stasov or Viktor Butovskii. The source for these Bëm prints on

является единственным украшением. Похоже, что такие украшения могли быть созданы Библиным; они иногда появляются как рамка вокруг сцен из его знаменитой сказочной серии, изданной в 1901–1903 годах: *Сказка об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером волке, красный всадник из Василисы Прекрасной, Лягушка-царевна* и другие. Эти сцены были взяты из его знаменитой серии «Русские народные сказки». Библин также создал немало каймы из стилизованных сосен и пейзажей с избушками на курьих ножках (из сказок о *Бабе-Яге*). Она особенно хорошо гармонирует по цвету и стилю с его иллюстрациями сказок.

Еще одним, особенно популярным, оформлением каймы была переплетающийся узор, всегда на оранжевом или кирпично-красном фоне, с черно-желтым или желто-зеленым переплетением. Тарелка на рисунке стр. 41 была частью сервиза, который продали Bailey, Banks and Biddle в Филадельфии. Этот специфический узор был достаточно популярен. Завод или продал права на него иностранным компаниям, или они просто скопировали его. Молочный кувшин с таким узором был создан американской фирмой Knowles – Taylor – Knowles, находившейся в Ист-Анверпуле, Огайо. Эта фирма продавала свою керамическую посуду прежде всего ресторанам. Четыре остроконечные эмблемы, помещенные здесь и там на кувшине, напоминают переводные картинки. К. Т. Альтвассер (C. T. Altwasser), немецкая фирма, находившаяся около Бреслау в Силезии, также продавала фарфор с этим орнаментом, а также изделия с узором в виде вышивки крестом на кайме и даже с рисунками Каразина.

Марджори Мерриуэзер Пост (Marjorie Merriweather Post), основательница поместья, музея и садов Хиллвуд (Hillwood Estate, Museum and Gardens), приобрела два сервиза корниловских фарфоровых тарелок, оба с импресси-

21 For more information about Gal'nbek, see Tamara Kudriavtseva, "Ivan Gal'nbek i 'russkii stil' v Kornilovskom farfore", *Pinskoteke*, No. 10–12 (1999), p. 115–121.

Kornilov porcelain is a small souvenir book that was printed for the Nizhni Novgorod Fair in 1896.²² It is long and narrow in shape, just like the image on the plate. Bëm's signature on each page of the book is repeated in the transfer print on the plate. The sayings themselves reference Nizhni Novgorod, the Volga River, and its surroundings. Scenes other than those from this little book may have been added later.

As his last contribution to the factory Gal'nbek designed sets of porcelain with birds, fish, botanical plants, and animals. In many cases the species are identified in Russian as part of the design on the front and are written in English on the back. For these plates Gal'nbek has designed borders that are part of a coherent whole with the central decoration. Furthermore, these decorations are integral to the forms of the objects themselves, which he also designed. There are far fewer examples of Gal'nbek's work in the neo-Russian style to be found in collections of Russian porcelain in the United States, than those of pieces with Karazin paintings or the peasant embroidery patterns. Gal'nbek's designs and forms were more international and less specifically Russian, at least to the American eye, but they are by far the most successful artistically. With Bëm and Bilibin prints it was a matter of accommodating already existing illustrations to a plate form. Gal'nbek's decorations were newly created for the factory, specifically for porcelain.

In 1956 as a marketing ploy Tiffany held exhibitions of table settings "of taste and imagination" to give new inspiration to the American housewife. These table exhibits were arranged by some of the leading hostesses of New York society. Mrs. William Randolph Hearst, Jr. set a table with Russian porcelain, which had belonged to her husband's grandmother.²³ The Hearsts were great newspaper magnates, and his grandfather had been a senator from California. Thus Russian porcelain

онистскими изображениями птиц.²⁰ На задней части дано название каждой птицы по-английски. На кайме одного из сервизов оранжево-зеленый пастельный узор. Кайму второго сервиза украшают щиты с птицами, рыбами и животными. Красные номера рисунков главным образом относятся к кайме. Эти сервизы имеют различные номера, но тот, что со щитами на кайме, имеет такой же номер, что и тарелки с рисунками Каразина. В более поздних сервизах иногда есть два номера, например 28 над 245. 28 относится к рисунку Каразина, 245 – к кайме, в данном случае – со щитами.

Множество более редких образцов декора можно обнаружить в Соединенных Штатах (илл. стр. 36). Интересно, что есть по меньшей мере 350 известных номеров рисунков. Некоторые сервизы тарелок с полностью стилизованным художественным оформлением были предназначены исключительно для экспорта. Они имеют стилизованного двуглавого орла на кайме сверху тарелки и вокруг него изречение на русском языке «с народом, через народ, для народа», – известная цитата из Гёттисбергской речи президента Авраама Линкольна. В некоторых образцах ощущается влияние японского орнамента, другие (с большими номерами рисунков) имеют очень стилизованный орнамент в необычном цвете, вроде светло-голубого. Мы так и не знаем точно объемы экспортного производства Корнилова.

Иван Гальнбек, художник, архитектор и библиотечарь Центрального училища технического рисования Штиглица, добавил очаровательных лошадок и бурых медведей в качестве ручек чайных чашек, супниц и подставок для яиц.²¹ Лошади Гальнбека, подобно кайме Библина могут сочетаться с различными художественными украшениями, и не обязательно только с одним из них. Впоследствии Гальнбек проектировал многочисленные формы для ваз с ажурными

22 There is a copy of this small book in the Library of Congress. Elizaveta Merkur'evna Bëm, *Na pamiat' o vserossiiskoi vystavke v Nizhnem Novgorode 1896 goda* (St. Petersburg: A. Il'in, nd).

23 *Tiffany Table Settings* (New York: Thomas Y. Crowell Company, 1960), p. 186–187.

20 Большую часть Корниловского фарфора в Хиллсдейде можно увидеть в издании Marvin C. Ross, *Russian Porcelains* (Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1968), с. 333–342 и 361–367. Изображения некоторых предметов даны в цвете в издании Odum, «*Russkii sul'*», *The Magazine Antiques*, стр. 105–106.

21 Для более подробной информации о Гальнбеке см. Тамара Кудряшова, «Иван Гальнбек и русский стиль в Корниловском фарфоре», *Пинкотека*, № 10–12 (1999), с. 115–121.

Plate, 1843–1861, St. Petersburg,
Factory of the Kornilov brothers,
Hillwood Estate, Museum & Gardens.

Тарелка, 1843–1861. Фабрика
братьев Корниловых, СПб.
Усадьба Хиллвуд, Музей и Сады.

had been bought in the early twentieth century and was passed down two generations in this very wealthy family. Mrs. Hearst's porcelain featured city coats-of-arms in the center of the plates, with borders of shields with animals and birds. Tiffany also produced a small booklet in 1901 in which the store recommended Sèvres, Meissen, and Royal Copenhagen as the porcelain to use if you wished to set a really elegant table.²⁴ Russian porcelain was not mentioned as one of the options. Just as the silver and enamel wares sold at Tiffany were viewed primarily as novelties, so also was Kornilov porcelain. In Tiffany's Blue Book for 1903 and in Bailey, Banks, and Biddle's Yearbook for 1905 there is no mention of Russian porcelain in their list of objects sold, although there was a list in Tiffany's Blue Book of 1893. That is not to say that it was not sold because it is clear that it was given the designs, some of which couldn't have been produced before 1903 or 1905, but it no longer seems to have been a feature of the stores. As late as 1908 Lucy Cazalet reporting for *The Connoisseur*, wrote that "Kornilov became famous, especially for the excellence of its designs, which were especially drawn for the factory by the best artists."²⁵

In the 1880s and 1890s the Russian style achieved its greatest popularity, despite the American distaste for autocracy, the treatment of prisoners, and the miserable state of the Russian peasant, all of which were widely reported in both magazine articles and travel accounts. The American consumer does not seem to have allowed these political issues to influence their buying decisions. Furthermore they like Mrs. Randolph Hearst or Mrs. Post had no knowledge of or interest in the internal artistic debates in Russia about western vs. Russian styles; they took simple pleasure in these exciting original designs. The Russian style retained its value as the style of choice for export.

ручками или квадратными точками, имитирующими ажурные изделия в стиле дизайна Венского Сецессиона. Вена оказала значительное влияние на русскую мебель, серебро и фарфор в начале двадцатого века (илл. стр. 53).

Елизавета Бём, еще один художник, достигший популярности благодаря своим иллюстрациям в «Ниве» и «Всемирной иллюстрации», а также на открытках, рекламных объявлениях и прочей подобной продукции конца девятнадцатого столетия. Она часто изображала детей в крестьянской или боярской одежде вместе с поговорками старинным русским шрифтом, где заглавные буквы были позаимствованы у Василия Стасова или Виктора Бутовского. Источником для этих рисунков Бём на корниловском фарфоре является маленькая сувенирная книжечка, изданная для Нижегородской ярмарки в 1896 году.²² По форме она длинная и узкая, точно как изображение на тарелке. Подпись Бём на каждой странице книги повторяется при переносе изображения на тарелку. Сами поговорки касаются Нижнего Новгорода, реки Волги и приволжских мест. Другие сцены возможно были добавлены позже.

Последней работой Гальбека для Корниловского завода были фарфоровые сервизы с птицами, рыбами, растениями и животными. Во многих случаях названия даны по-русски как часть дизайна на лицевой стороне и написаны по-английски сзади. Для этих тарелок Гальбек создал кайму, явившуюся частью единого целого с художественным оформлением в центре. Кроме того, это художественное оформление является неотъемлемой частью формы самих предметов, которые также разработал Гальбек. В коллекциях русского фарфора в Соединенных Штатах работ Гальбека в нео-русском стиле гораздо меньше, чем предметов с рисунками Каразина или с узорами в виде крестьянской вышивки. Дизайн и формы Гальбека были в большей степени интернациональными,

24 *Notes on Pottery. "Trade Marks" of Modern Ceramics. "What to buy" and "What to avoid"* (New York: Tiffany, 1901). These fancy goods shops were always trying to educate American women on how to entertain in style.

25 Lucy Cazalet, "Pottery and Porcelain," *The Connoisseur*, January (1908), p. 16–20.

22 В Библиотеке Конгресса имеется копия этой небольшой книги. Елизавета Меркурьевна Бём. На память о всероссийской выставке в Нижнем Новгороде 1896 года (Санкт-Петербург: А. Пилин и др.).

Bibliography

- Bagdasarova, Irina, "Firmennyy stil" Kornilovskogo farfora," *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektirovaniia*, July–August (2005).
- Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Torgovlia Rossii*. St. Petersburg: Departmenta Torgovli i Manufaktur Ministerstva Finansov, 1893.
- Farfor Brat'ev Kornilovykh*. St. Petersburg: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Peterhof", Gosudarstvennyi Ermitazh, Fond "Vozrozhdenie Kornilovskogo farfora", 2003.
- Glukhovskoi, P. I., *Otchet general'nago kommissara russkago otdela Vsemirnoi Kolombovoi vystavki v Chikago*. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma, 1895.
- Odom, Anne, "Russkii stil" The Russian Style for Export", *The Magazine Antiques*, vol. CCXIII, No. 3, (March 2003), p. 102–107.
- Ross, Marvin C., *Russian Porcelains*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1968.
- Znamenov, V. and V. Mukhin, "Fenomen vtorogo farforovogo proizvodstva v Peterburge," *Peterhof Almanakh. Iz istorii i kolleksii*. St. Petersburg: Studia biogeofizika, 1992, p. 109–131.

нежели специфически русскими, по крайней мере на взгляд американцев, но они намного более удачны с художественной точки зрения. Если иллюстрации Бём и Библина уже существовали и их приспособляли к форме тарелок, то работы Гальбека были изначально предназначены для Корниловского завода, специально для фарфора.

В 1956 году фирма Тиффани в качестве маркетинговой уловки организовала выставки столовой посуды «вкуса и воображения», чтобы дать новый толчок вдохновению американских домохозяек. Эти экспозиции были подготовлены несколькими известными дамами светского общества Нью-Йорка. Госпожа Уильям Рэндолф Херст младшая (Mrs. William Randolph Hearst, Jr.) сервировала стол русским фарфором, который принадлежал бабушке ее мужа.²³ Херсты были крупными газетными магнатами, а его дедушка был сенатором от Калифорнии. Таким образом, русский фарфор был куплен в начале двадцатого века и принадлежал этому очень богатому семейству на протяжении двух поколений. На фарфоре госпожи Херст были изображены городские гербы в центре тарелок и щиты с животными и птицами на кайме. В 1901 году магазин Тиффани выпустил небольшой буклет, в котором рекомендовал использовать Севрский, Мейссенский или Королевский Копенгагенский фарфор, если вы желаете сервировать по-настоящему изысканный стол.²⁴ Русский фарфор в качестве одного из вариантов упомянут не был. Корниловский фарфор считался новшеством, также, как поначалу были в новизну продававшиеся у Тиффани серебряные и эмалированные изделия. В «Синей книге» Тиффани за 1903 год и в ежегоднике Bailey, Banks и Biddle за 1905 год в списке продающихся предметов нет никакого упоминания о русском фарфоре, хотя он был упомянут в «Синей книге» Тиффани за 1893 год. Это не

23. Tiffany Table Settings (New York: Thomas Y. Crowell Company, 1960), с. 186–187.

24. Notes on Pottery. «Trade Marks» of Modern Ceramics. «What to buy» and «What to avoid» (New York: Tiffany, 1901). Эти магазины модных товаров всегда пытались обучать американских женщин, как с тонком принимать гостей.

говорит о том, что русский фарфор не продавался, потому что, понятно, что некоторые присущие ему узоры никак не могли быть созданы до 1903 или 1905 года, но в дальнейшем отсутствие русского фарфора, кажется, уже не будет особенностью этих магазинов. В конце 1908 года Люси Казалет написала в «The Connoisseur», что «Корниловский фарфор стал знаменитым, особенно из-за выдающегося качества рисунков, которые были специально созданы для завода лучшими художниками.»²⁵

В восьмидесятые-девяностые годы девятнадцатого века русский стиль достиг величайшей популярности, несмотря на неприязнь Америки к самодержавию, плохому обращению с заключенными и жалкому состоянию российских крестьян, что очень широко освещалось как в журнальных статьях, так и в обзорах путешественников. Американские потребители, кажется, не разрешали влиять на свой выбор покупок этим политическим проблемам. Кроме того, они, подобно госпоже Рэндолф Херст или госпоже Пост, не интересовались внутри-российскими художественными дебатами о противостоянии западного и русского стилей и ничего не знали об этом. Они просто получали удовольствие от этих восхитительных и оригинальных произведений искусства. Русский стиль сохранил свою ценность как стиль, избранный для экспорта.

Библиография

- Багдасарова, Ирина, «Фирменный стиль Корниловского фарфора», Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования, июль-август (2005).
- Фабрично-заводская промышленность, Торговая Россия. Санкт-Петербург: Департамент Торговли и Мануфактур Министерства Финансов, 1893.
- Фарфор братьев Корниловых. Санкт-Петербург: Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный Эрмитаж, Фонд «Возрождение Корниловского фарфора», 2003.
- Глуховской, П. И., Отчет генерального комиссара русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго. Санкт-Петербург: Типография В. Кришбаума, 1895.
- Odom, Anne, «'Russkii stil', The Russian Style for Export», The Magazine Antiques, vol. CCXIII, No. 3, (March 2003), с. 102–107.
- Ross, Marvin C., Russian Porcelains. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1968.
- Знаменнов, В. и Мухин, В., «Феномен второго фарфорового производства в Петербурге», Петергофский Альманах. Из истории и коллекции. Санкт-Петербург: Студия биография, 1992), с. 109–131.

25 Lucy Cazalet, «Pottery and Porcelain», The Connoisseur, январь (1908), с. 16–20.

Platter, ca. 1906. Factory of the Kornilov brothers, St. Petersburg. Hillwood Estate, Museum & Gardens.

Плак, 1906 г. Фабрика братьев
Корниловых, СПб. Усадьба Хиллвуд,
Музей и Сады.